

ВЫХОДИТЬ НА
ОСНОВАНІИ
6 СТ. VII ВРЕ-
МЕННЫХЪ ПРА-
ВИЛЪ О ПЕЧАТИ
ВМѢСТО
ЖУРНАЛА
БУРЕЛОМЪ.

БУРЯ

РЕДАКЦІЯ:
Бол. Подъяческая,
д. 22, кв. 37.
Пріемъ: пон. четв.
и пятн.
отъ 7 до 9 ч.

КОНТОРА:
Николаевская, 42.

Еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе слѣдующія лица: Л. И. АНДРУСОНЪ, В. В. БАШКИНЪ, А. А. ВЕЙНБЕРГЪ, А. В. ВЕРЕЖНИКОВЪ, В. А. ВЕРЕЩАГИНА (ВЕТА), В. Н. ГОРДИНЪ, И. И. ГУРВИЧЪ, ДАЛАЙ-НОРЪ (псевдонимъ), ЛЕВЪ ЖДАНОВЪ, АНТ. КАМЕНСКІЙ, Ф. И. МАКСИМОВИЧЪ (художникъ), МЕЧТАТЕЛЬ (Ө. Ө. ТРОЗИНЕРЪ), В. В. МУЙЖЕЛЬ, И. С. РУКАВИШНИКОВЪ, А. С. РОСЛАВЛЕВЪ, СЕРГѢЙ СОЛОМИНЪ (псевдонимъ), В. В. ТРОФИМОВЪ, М. А. ЭНГЕЛЬГАРДТЪ, ГЕОРГІЙ ЭРАСТОВЪ, А. А. ЯНОВЪ (художникъ) и мн. др.

На вершину!

«Я поведу тебя на высокія горы и покажу тебѣ всѣ сокровища міра...»
(«Когда мы мертвые пробуждаемся»). Ибсенъ.

Выше, выше, мой другъ! Чаша скорби
полна:

Слышишь тяжкіе стоны земли?...
Тамъ, за дально туманной, свободы страна,
Тамъ могучія крылья вдали
Расправляютъ орлы на вершинѣ.

Мощный кликъ ихъ свободный и гордый
звучитъ,

Оглашая нѣмой и холодный гравитъ,
Слабымъ отзвучомъ слышенъ въ долинѣ.

* * *

Яркою кровью пылаютъ въ вечернихъ
лучахъ

Вереницы холмовъ обнаженныхъ.
Эта кровь говоритъ о погибшихъ мечтахъ,
О кипучихъ бойцахъ пораженныхъ...

Труденъ путь... Пусть погибнемъ въ
неравномъ бою

Съ черной тьмою за счастье и волю,
И горячую жизнь и свободу свою
Отдадимъ за грядущую долю!

Слышишь, клочокъ орлиный все ближе
звучитъ,

Оглашая холмы и долину,
Въ сердце бодрость вливаетъ и душу
живитъ...

О, скорѣе туда... на вершину!

В. А. ВЕРЕЩАГИНА.

Фельетонъ.

О желѣзномъ шахтерѣ.

Потерпи, товарищъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ упорнѣй слухъ.

Не напрасно въ камняхъ чахъ ты,
Ждалъ и вѣрилъ много лѣтъ.
Онъ насъ выведетъ изъ шахты
На веселый вольный свѣтъ.

Ноетъ грудь и поясница
И стоитъ туманъ въ глазахъ.
Полетитъ душа какъ птица
Отдохнуть въ родныхъ поляхъ.

Намъ, товарищъ, по дорогѣ,
Оба пасынки судьбы.
Кто-то встрѣтитъ на порогѣ
Покосившейся избы?

Потерпи еще, братъ, скоро
Будешь сытъ и пьянъ за двухъ.
Про желѣзнаго шахтера
Съ каждымъ днемъ упорнѣй слухъ.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

89-й годъ.

(Сопъ; изъ книги „Парижъ“).

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten. Goethe

Нынче позволительно немного мечтать. Не такъ, чтобы ужъ очень, но до известной степени можно. Собственно говоря, мечталъ я и раньше и ужъ очень давно, никогда не испрашивая себѣ на то разрѣшенія отъ полиціи, но нынѣ все чаще мечты мои принимаютъ багровый отцвѣтъ и въ тиши моихъ сновъ, при красочномъ заревѣ занимающагося пожара я различаю насквозь просвѣчивающія багрянымъ пламенемъ тѣла. Или я ихъ раньше не замѣчалъ? Такъ странно чужды они мнѣ и такъ близко знакомы.

Проходятъ мимо важные напудренные доктринеры и старички, любезно улыбаясь, въ разшитыхъ золотомъ кафтанахъ, ковыляютъ на отгиченныхъ подагрой ногахъ, съ милой граціей протягиваютъ золотыя табакерки и беззвучно шепчутъ что-то...

Милые, родные, говорю я, о, старые, посѣдѣлые доктринеры, выросшіе на развалинахъ пышнаго величія, еще упавшіеся царственнымъ закатомъ старой Франціи, на чьихъ головахъ дрожатъ золотые лучи Louis XIV! Въ бреду царственной агоніи, въ сумрачномъ закатѣ французскихъ королей, Вы разслышали новые звуки; гдѣ-то рычала толпа все явственнѣе и золотыя кареты, направ-

Слышенъ тучъ протяжный шорохъ;
Въ ихъ причудливыхъ узорахъ
Чаще молнія змѣится,
Росъ темнѣетъ бирюза;

Море искристое блещетъ
И волнуется, и плещетъ—
Знаю, скоро затрепещетъ
Неминуемая гроза!

Вѣтеръ, мощный и летучій,
Соберетъ во мракѣ тучи;
Какъ снопы, ихъ опояшетъ
Молній брезжущая нить...

Этой ночью дымно-сѣрой
Съ обольстительною вѣрой
Въ опьяняющее солнце
Жадно хочется мнѣ жить:

Зажемчужится, блистая,
Тучъ грохочущая стая,
Затрезвонитъ лѣсъ пустынный,
Грому дальнему въ отвѣтъ...

Минетъ ночи блескъ янтарный,—
День зажжется лучезарный...—
Чѣмъ величественнѣй буря,
Тѣмъ прекраснѣе разсвѣтъ!

МИХАИЛЬ ПУСТЫНИНЪ.

лявшіяся въ Версаль, забрасывались грязью.

Young писалъ Вамъ ужасающіе отчеты о деревнѣ, о голодѣ и пожарѣ, объ одичавшихъ поселянахъ и Вы все чаще задумывались надъ грядущимъ и, покачивая головами, перечитывали Вобана.

На Землѣ.

Степь голая, избитая, изможденная, как кости ея пахаря. Вездѣ болото. То тамъ, то здѣсь двигаются человѣческія тѣни—это пахари русскіе, придавленные тяжкимъ ярмомъ, изъ болота и дымящихся кочекъ выжимаютъ соль земли.

День и ночь они ползаютъ по дну земли и плодами ихъ рукъ дышетъ вся страна.

Ихъ окружаетъ молчаніе; но они какъ будто-бы ждутъ какого-то голоса. Порою они разгибаются и смотрятъ на небо, но темное, сѣрое небо ничего не говоритъ: оно таинственно и безгласно.

Тишина...

Иногда вѣтеръ, срывая соломенные крыши и свирѣпо раздувая крылья красного пѣтуха, проносится среди нихъ и опять тишина, точно въ гробу.

Гдѣ-то внутри, далеко, далеко, теплится жизнь, но черная стихія рабства загромождаетъ ее голодомъ и она чахнетъ и гибнетъ въ болотѣ.

— Што то блеснуло на небѣ—никакъ солнышко!—восклицаютъ мужики, разогнувъ спины: приглядишь, братцы, у кого глазъ быстрее.

— И впрямь,—соглашаются быстроглазые.—Мелькнуло што-то, можетъ и вправду солнышко...

Мужики устремляютъ взоры вверхъ...

Небо, покрытое свинцовымъ туманомъ, молчитъ...

— Туманъ! Ничего не видно, затянуло все... Затмѣніе... Надо быть, отъ натуги—

кровь къ головѣ бросилась,—такъ померещилось, братцы,—говорятъ мужики.

И опять видно, какъ пропитанная кровью и соленымъ потомъ рубахи копошатся въ болотѣ среди кочекъ и булыжника. Рядомъ съ ними, заносчиво поднимая далеко къ небесамъ свои—пушистыя вершины—толпятся лѣсъ, густой, черный лѣсъ... Толстыя стволы стоятъ сотни лѣтъ и не качаются. И чѣмъ дальше, тѣмъ гуще становится ихъ среда. Они неприкосновенны. Они недоступны. Они сгниваютъ на корняхъ, мѣшая развиваться молодымъ побѣгамъ. Ихъ охраняетъ черное воронье. Горе смѣльчаку, стукнувшему топоромъ о гнилую кору.

Кромѣшная туча воронья закроетъ его и отъ безкровнаго тѣла останутся только одни косточки.

Откуда-то повѣяло ужасомъ.

По гладкой дорогѣ, вымощенной какъ паперть кладбищенской церкви, двигается процессія.

Впереди эшафотъ.

На эшафотѣ приговоренный къ смерти. Загорѣлая шея изрѣзана рубцами и морщинами. Воротъ рубахи, пропитанной кровью и потомъ, оборванъ. Видна впалая надорванная грудь... Она дышетъ медленно. Обнаженная по локоть рука креститъ лобъ. На ней нѣтъ тѣла—одна только кожа съ синими жилами.

На эшафотѣ надпись «къ смерти». Его везетъ юстиція—безчувственная, забитая, порабощенная. Она монотонно стучитъ стальными копытами по жесткой землѣ.

Отъ этого стука холодѣетъ кровь. Равнодушная къ страданіямъ и мольбамъ, она послушно двигается, направляемая поводьями.

ремъ. На ней узда, у нея нѣтъ глазъ... Она, слѣпая, шагъ за шагомъ плетется, управляемая сѣдокомъ. На ней сидитъ администрація—она всей своей жирной кучей навалилась на юстицію и давить ее, и жметъ...

Въ рукахъ администраціи свиститъ плеть. Эшафотъ ползетъ мимо изможденныхъ степей.

Среди зловѣщей тишины стучать стальные копыта юстиціи...

На подмосткахъ смерти тархтитъ гробъ эшафота.

Съ болота поднимаются кудлатые головы мужиковъ. Они переглаживаютъ и чешутъ подъ ложечкой.

— Везутъ?!—шепчутъ въ болотѣ.

Оттуда, гдѣ черный лѣсъ тонетъ въ сѣромъ туманѣ сырыхъ тяжелыхъ облаковъ, поднимается воронье... Каркаетъ шумитъ крыльями и летитъ за эшафотомъ.

Спины опустились въ болото.

Кругомъ тишина...

Буря въ сердцахъ...

ДАЛАЙ-НОРЪ.

Сидя на блестящихъ пирахъ Grimod de la Reynière, человѣка съ желѣзными руками, у m-me Неккеръ, слушающая пламеннаго Дидро, Вы давали себѣ торжественную клятву, когда настанетъ моментъ, пойти съ народомъ.

Милые, забавные, смѣшные, какъ вѣровали Вы въ „le Peuple“, въ Леонида и его спартанцевъ, какъ были Вы изумлены, когда наготѣ, презрѣвъ Ваше горделивый отказъ отъ титуловъ и орденовъ, народъ не оказался похожъ на Ваше представление о немъ и грубо лишивъ Васъ Вашихъ книгъ, Вашихъ ретортъ, Вашихъ милыхъ дамъ, бросилъ Васъ въ темницу и на плаху; но Вы и тогда не переставали вѣрить въ Лафаетта и Руссо и въ декларацию правъ, Вы были увѣрены, что все это пройдетъ, пройдетъ, que cela passera.

La Motte Fouquet и пышный герцогъ Орлеанскій—Филиппъ Эгалите и неустойчивый „другъ народа“ и Destutt de Tracy и вѣчно уповающій старикъ Кондорсе, писавшій еще нѣсколько дней до плахи, въ темницѣ, въ своей гордой и смѣшной книгѣ гимны совершенствующемуся человечеству, совершенствующемуся!

Историческая волна смела Васъ, какъ накинъ, какъ соръ исторіи, какъ ненужныя бездѣлушки гососа, и безжалостные властелины грядущаго, черные люди съ мозолистыми руками, сурово обозвали Васъ „идеологами буржуазіи“, „близорукими“, самые смѣлые изъ Васъ получили кличку „утопистовъ“, Ваше „естественное право“, служившее такимъ могу-

чимъ лозунгомъ для взрыва Вашего сердечнаго энтузіазма, оказалось лишь прикрывающимъ „историческія“ требованія tiers état“, и всѣ Вы, люди великаго мира, о, друзья Гельвеція, Гольбаха и Мирабо, возбудили лишь проницательную улыбку.

Какъ близки Вы мнѣ! Какъ понятенъ мнѣ Вашъ пафосъ, какъ ясно мнѣ Ваше непониманіе!

Боюсь, придете Вы опять, но уже безъ золотыхъ побрякушекъ, безъ аромата утонченной культуры, огрубѣлые въ чудовищной пошлости нашихъ дней, но съ тѣмъ же пафосомъ, съ той же наивностью взглядовъ, съ великимъ желаніемъ „просвѣщать“ и будете съ недоумѣніемъ озираться вокругъ, морщитъ лобъ и—не понимать.

И будетъ пыль рѣчей, и будутъ ошибки, смерть!

Политическіе клубы. Горячка исторіи

смела революціонеровъ сверху и послѣднимъ ея предстателемъ былъ пламенный Мирабо. Онъ умеръ и навсегда исчезъ источникъ аристократовъ-революціонеровъ.

Теперь говорятъ Барнавъ, Робеспьеръ, рычитъ легъ Дантонъ и чудовище въ образѣ обезьяны—Маратъ. Камилль Демуленъ пинетъ свои пламенные памфлеты, въ Пале-Роялѣ толпа ломаетъ рѣшетки...

Какъ забавно сердится по этому поводу Тэнъ? Чистенькому „philosophe“ не по себѣ. Нарушители традицій! Низвергатели порядка! Добро бы они шли противъ монархизма и привилегій дворянства, о, самъ Тэнъ прекрасно понимаетъ необходимость упраздненія „всего этого“, но нѣтъ, они одинаково далеки какъ отъ жирондистовъ, такъ и отъ монтаньяровъ, они враждуютъ часто съ якобинцами, они санкюлоты по одеждѣ и убѣжденіямъ, они анархисты духа, они демагогизируютъ сволочь улицы, они проповѣдуютъ диктатуру элементарной невѣжественной массы, съ ними надо бороться, ихъ надо уничтожить...

Гдѣ видѣлъ я этого юношу, верхомъ на конѣ? Онъ скакалъ на своей сѣрой лошади и казался возставшей мстью, народной Горгоной, пылающей карой...

Чьи заступы звучатъ о мостовую, взрывающая камни? То шумитъ Сентъ-Антуанское предместье, строя баррикады. Гдѣ-то слышится Карманьола и въ звукахъ ея голодное отчаяніе, крикъ: „хлѣба“ и гроз-

«А тьма, по глубине России—
Тьма вечная тьмина!»

Никто не ждетъ.

Никто не ждетъ, никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь,
О мщеніи яростномъ вызываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

Въ тотъ день, сойдясь подъ краснымъ
флагомъ,

Мы съ пѣсней кинули загодъ.
Изъ переулка спѣшнымъ шагомъ
Наперерѣзъ намъ вышелъ взводъ..

Быль залпъ. Передніе смѣшались,
Товарищъ мой лежалъ ничкомъ
И мнилось, дьяволы смѣялись
Противнымъ, жиденькимъ смѣшкомъ.

Ихъ зубы—не штыки блестя
И барабаникъ не былъ пьянъ.
Нѣтъ, это смерть въ его шинели
Усердно била въ барабанъ.

И вотъ опять никто не знаетъ,
Что ужасъ будетъ явленъ вновь,
О мщеніи яростномъ вызываетъ
Недавнихъ жертвъ святая кровь.

А. РОСЛАВЛЕВЪ.

Сонъ Боярышника.

Въ страстную субботу
Боярышникъ плачетъ, вспо-
миная страданія Христовы.
(Народное поетіе).

Была распята Великая Истина...

И тяжелымъ вздохомъ подымалась зем-
ная грудь: клонила свои вѣтви темные кипа-
рисы, окружая траурнымъ вѣнкомъ подно-
жіе горы; и краской остраго стыда горѣли
алые розы, опуская благовонныя головки,
закрывая листьями острые шипы; а старый
терновникъ угрюмо прятался въ расщелинѣ,
распластавши на холодномъ камнѣ свои
безжалостныя иглы...

Такія же иглы терзали Его голову и на
нихъ горѣли въ послѣднихъ лучахъ захо-
дящаго солнца рубины-капли.

И весь міръ охватила страшная вѣсть и
сжала въ своихъ ледяныхъ объятіяхъ...

Въ жгучемъ отчаяніи потянулся къ небу
малютка шиповникъ, бросая на дорогу свои
душистые лепестки и покрываясь алыми,
какъ кровь, плодами, и на его листьяхъ
плакали слезы...

И задрожалъ отъ боли и горя сѣверный
братъ терна боярышникъ... Плакалъ, горько
плакалъ онъ, а его слезы бѣлымъ ковромъ
покрывали землю, и показалась молодая
завязь и повисли алая гроздьи... Падая на
землю, вызывали онъ новую жизнь, и впи-
тывала она воспоминанья черной ночи...

Столѣтія прошли, долгія столѣтія! Все
помнитъ боярышникъ и плачетъ онъ въ ту
ночь, когда распята была Великая Истина;
и грезитъ онъ жгучими снами: видитъ онъ
безконечный рядъ свѣтлыхъ тѣней...

И новую пѣснь во славу Истины и сестры
ся—Борьбы поютъ онъ и глухія ноты скорби
и муки врываются въ великую пѣснь. Ско-
ваны ихъ руки и ноги, но бодрымъ, вѣр-
нымъ шагомъ идутъ онъ. А на головахъ
ихъ сливаясь съ шипами горятъ алая гроз-
дьи и тихо-тихо струится кровь на бѣлыхъ
одежды... И узнаетъ старый боярышникъ
свои вѣтви и плачетъ, плачетъ онъ въ
великую ночь!...

Veta.

ное величье пляшущихъ на краю про-
пасти:

Monsieur Veto nous a promis
De faire égorger tout Paris.

Madame Veto общала намъ горячихъ
пирожковъ. Что надо дѣлать народу,
когда у него нѣтъ хлѣба? Братъ ружья.

Друзья, товарищи, граждане! Берите
ружья, берите шапки, старья, заржавѣв-
шія шапки, берите пики, ломы, стамески
и топоры, мы пойдемъ и путеводной звѣз-
дой будетъ служить намъ фригійскій ко-
пакъ, а свѣточемъ багряное солнце, мы
пойдемъ, мы пойдемъ

са іга, са іга, са іга.

Далѣе все неясно. Красный туманъ
окуталъ мой сонъ и въ рдѣющемъ зологѣ
его лучей вырисовываются безумныя лица.
Человѣкъ съ разорванной рубахой на
груди—лицо его смѣется, а глаза застыли
въ ужасѣ, чья-то запрокинутая голова, и
на чьихъ-то смолистыхъ волосахъ красная
тряпка, еще поязка, еще и еще, еще
что-то красно, потомъ темный пурпуръ
большихъ пятенъ—кровь, снова кровь,
лучи крови и почему-то золото и въ ро-
говой полумгнѣ возвышается пика, а на
ней чье-то пылающее сердце.

Да, настаетъ пора пламенныхъ сновъ.
Они горятъ, эти сны, и жгутъ и жаждутъ
воплощенія. Но воплощеніе не дается
сразу и требуетъ мукъ.

89-й годъ, 93-й, 71-й, какія даты! У
насъ тоже есть даты.

Ахъ, истинно, великая разница между
скандаломъ и исторіей.

Alex. St.

* * *

Я васъ не звалъ, былого тѣни!
Зачѣмъ къ обители моей
Явились вы толпой видѣній,
Толпой непрошенныхъ гостей?..

Я васъ не звалъ, былие годы,
Дни невозвратные весны,
Печали, радости, невзгоды,
Мечты, стремленія и сны!

Пусть ваши радужныя краски
Еще играютъ и поютъ,
И несмолкающія сказки
Недавней былью отдаютъ;

Пусть много, бесконечно много
Души огня и сердца силъ,
Какъ на алтарь живого Бога,
Вамъ тихо въ даръ я приносилъ;

Пусть озаряли кроткимъ блескомъ
Вы жизни сумрачную степь
И разрывали съ легкимъ трескомъ
Унынья роковую цѣпь,—

Но твердо между мной и вами
Росла и выросла стѣна,
Клубясь широкими волнами,
Легла густая пелена.

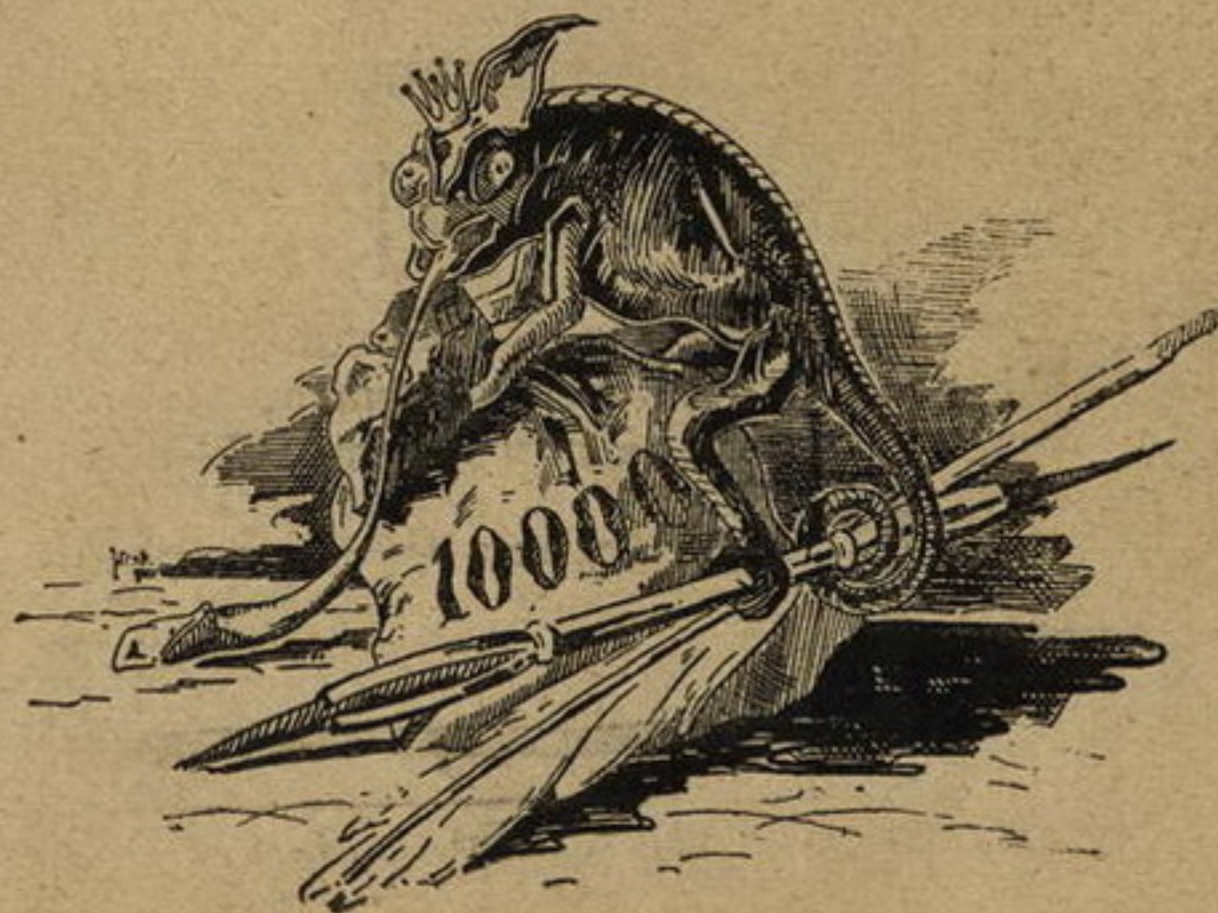
Отчизна-мать затосковала,
Какъ пробужденная раба,
Въ цѣпяхъ тяжелыхъ, что сковала
Ей прихотливая судьба.

Весеннихъ грозъ могучимъ смѣхомъ
Ея свободный грянулъ зовъ
И отозвался гулкимъ эхомъ
Въ сердцахъ недремлющихъ сыновъ.

Я бодро всталъ, какъ бодро встали
И братьевъ сонмъ и кругъ сестеръ,
И, лезвиемъ бряцаая стали,
Метить вышелъ за ея позоръ.

Мы бодро мстимъ... Потокомъ горнымъ
Клокочетъ мечь и день и ночь,
Что чуждо ей—зовемъ позорнымъ
И гонимъ съ ненавистью прочь.

Уйди-жь, безропотно, бывшее,
Подальше отъ моихъ очей!
Ты для меня теперь чужое,
И темень смыслъ твоихъ рѣчей.

Фантазія.

Служила вся страна гранитному кумиру—
Созданью думъ своихъ, созданью потныхъ

рукъ,
Спасенье видя въ немъ драхлѣющему
міру

И утомленіе гнетущихъ сердце мукъ.
Ницъ падали предъ нимъ бойцы предъ
близкой битвой,

Побѣды надъ врагомъ отчаянно моля,
И пахарь приходилъ со слезною молитвой,
Чтобъ благодатный дождь вдругъ освѣжилъ
поля.

Съ больнымъ дитятею покорно мать
являлась

Вѣнчать душистыми цвѣтами божество;
У ногъ его печаль народомъ изливалась,
У ногъ его велось народомъ торжество...
Но вотъ возсталъ пророкъ и кликнулъ,
негодуя;

„Несчастливая толпа, какъ заблудилась ты;
Отъ имени небесъ одинъ къ тебѣ иду я,
Чтобъ съ глазъ твоихъ сорвать завѣсу
слѣпоты.

Вчера трудилась ты, вся обливаясь потомъ,
Творя себѣ кумиръ изъ камня и песку,
А нынѣ отъ него-жь предѣла ждешь
заботамъ.

И жертвуешь ему и радость и тоску.
Есть въ мірѣ Богъ иной, Онъ царствуетъ
побѣдно,

Онъ создалъ тьму и свѣтъ, васъ—нищихъ
и меня.

Сотрите-жь идолъ свой съ
лица земли безслѣдно
И ждите безъ конца, тер-
заясь и стена“...

Но смѣло прозвучалъ толпы
отвѣтъ угрюмой:

Пророкъ, твои слова—ни-
чтожный блѣдный звукъ!

Кумиръ тѣмъ и священъ,
что плодъ онъ нашей
думы,

Что созданъ онъ трудомъ и
силой нашихъ рукъ...

И. Гурвичъ.

Въ атаку.

Къ свѣдѣнію Гг. авторовъ:

Рукописи въ случаѣ надобности, подлежатъ редакціоннымъ исправленіямъ; доставленныя безъ обозначенія гонорара оплачиваются по усмотрѣнію редакціи.

Рисунки просятъ доставлять въ эскизахъ для совмѣстнаго обсужденія съ редакціей.

Для полученія письменнаго отвѣта необходимо прилагать почтовую марку.

Выдача гонорара производится по выходѣ каждаго номера.

Для личныхъ объясненій редакторъ принимаетъ по понед. четв. и пятн. отъ 7 до 9 час. вечера.

Адресъ Редакціи:
Больш. Подъяческая, д. 22 кв. 37.

Редакторъ-издатель Г. П. Эрастовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и сатирический журналъ

„БУРЯ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА БЕЗЪ ДОСТАВКИ въ СПБ.;

въ годъ 3 руб. | съ доставкой и пересылкой во все города Росс. Имп. 5 руб. | 1/2 года 3 руб.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала СПБ. Николаевская 42.

Редакторъ-Издатель Г. П. Эрастовъ.